

*Анна
Воскресная*

ИЗМЕНА ВОИЗ МОЕГО СЕРДЦА!

Инна Вронская

Измена. Вон из моего сердца!

«Автор»

2026

Вронская И.

Измена. Вон из моего сердца! / И. Вронская — «Автор», 2026

Ради спасения семьи Таня согласилась на фиктивный развод — так предложил муж, испугавшись врагов в бизнесе. Но едва документы были подписаны, выяснилось: развод был нужен не для защиты, а для того, чтобы освободить место для другой женщины — настоящей любви мужа и матери его сына. Десять лет брака оказались чужой игрой, а Таня — лишь нянькой для чужого ребёнка. Теперь, растоптанная и преданная, она начинает войну — и на этот раз проигрывать не намерена.

© Вронская И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Инна Вронская

Измена. Вон из моего сердца!

Глава

Глава 1

— Тань, садись. Новости не очень...

Ирка не поднимает на меня глаза. Она крутит в руках ручку, вертит, словно не знает, с чего начать. А я уже все понимаю. Я же врач, я тоже так умею — молчать, когда слова тяжелые, как камни.

— Ир, не тяни кота за хвост. Говори. Как есть.

Она поднимает голову, и я вижу в ее глазах эту проклятую жалость. Врачебную, привычную, но от этого не менее острую.

— АМГ у тебя почти на нуле, Таня. Понимаешь? В яичниках пусто.

— Понимаю, — говорю я, и голос мой звучит глухо, будто из бочки. — Мертвая я. Бесплодная.

— Не надо так. Есть же ЭКО, донорские программы...

— Ир, ты сама знаешь шансы. Не надо меня утешать.

Я смотрю на свои руки. Руки врача-неонатолога. Эти руки каждый день касаются новорожденных. Эти руки спасают жизни. Эти руки умеют все — выходить шестисотграммовую кроху, поставить капельницу в вену толщиной с волосок, сделать массаж сердца, когда оно остановилось.

А своих детей у этих рук не будет.

Никогда.

— Тань... может, поплачешь? Легче станет.

— Ир, мне на дежурство пора. Там дети. Им плевать на мои яичники.

Я встаю, натягиваю халат, поправляю шапочку. Спина прямая. Улыбка на лице.

Только в коридоре, когда никто не видит, прижимаюсь лбом к холодной стене и позволяю себе одну минуту слабости.

Одну минуту.

А потом иду работать.

Ночное дежурство тянется бесконечно. Я проверяю малышей, пишу назначения, спорю с медсестрами. Делаю все на автомате, потому что если думать — я расклеюсь.

А мне нельзя. Я врач.

В третьем часу ночи меня вызывают в приемное отделение.

— Татьяна Сергеевна, там роженица без документов! Ребенка оставила и сбежала!

Когда я вхожу в палату, вижу маленький сверток в кювезе. Такой крошечный, такой беззащитный. Рядом суетятся медсестры, но я их не слышу. Я подхожу ближе и слушаю дыхание малыша.

Хрипы. Свист.

Пневмония. Начало. Но если быстро начать лечение, все будет хорошо.

Я смотрю на мальчика. Крепенький, крупный. Богатырь. Наверное, под четыре килограмма родился. Мать родила такого красавца и сбежала.

Как так можно?

— Можно я его возьму? — спрашиваю я медсестру.

— Конечно, Татьяна Сергеевна.

Я беру его на руки. Осторожно, бережно, как хрупкое сокровище. Он тяжеленький, теплый, пахнет молоком и чем-то неуловимо родным. Я прижимаю его к себе, качаю, и в этот момент...

Он открывает глаза.

Смотрит прямо на меня.

И улыбается.

Беззубой, младенческой, невероятной улыбкой.

У меня сердце останавливается.

— Здравствуй, малыш, — шепчу я. — Здравствуй, мой хороший.

И тут я замечаю родинку. На правой щеке, чуть ниже скулы. Аккуратная, ровная, как горошинка. Красивая. Счастливая.

Сестры говорят, что роженица оставила только номер телефона. Отца. Ни имени, ни документов, ни записки. Только номер на клочке бумаги.

Я назначаю лечение. Антибиотики, кислород, наблюдение. Мальчик сильный, он справится. Я чувствую это каждой клеточкой. Он боец.

Часа через три, когда все более-менее устаканилось, я сижу в ординаторской и смотрю на этот номер. Обычный мобильный. Ни имени, ничего.

Надо звонить. Надо сообщить этому мужчине, что у него есть сын.

Я набираю цифры. Гудок. Еще гудок.

— Слушаю, — раздается в трубке.

Голос низкий, глубокий, стальной. Такой голос бывает у людей, которые привыкли командовать. У людей, которых ничем не проймешь.

— Я из роддома звоню, врач Татьяна Левашова — говорю я, и слышу, как мой голос дрожит. — У вас сын родился. Мальчик. Роженица оставила ребенка и ушла. У мальчика пневмония, он в реанимации.

Тишина.

Длинная, тяжелая тишина.

— Адрес, — говорит стальной голос. — Я буду через час.

И кладет трубку.

Ни шока. Ни вопросов. Ни сомнений. Просто «буду через час».

Кто он такой?

Час пролетает как одно мгновение. Я то захожу к малышу, проверяю сатурацию, то выглядываю в окно. Дура. Какая мне разница?

Ровно через час в дверь ординаторской стучат.

— Войдите, — говорю я.

И он входит.

Высокий. Очень высокий. Широкие плечи, темный деловой костюм. Дорогой костюм. Лицо суровое, волевое, с тяжелой челюстью.

Но я смотрю не на костюм и не на челюсть. Я смотрю на его щеку.

Потому что на правой щеке, чуть ниже скулы, у него родинка.

Точно такая же, как у малыша.

— Бестужев Владимир, — говорит он. — Где мой сын?

Я молча киваю и веду его в реанимацию. Иду и чувствую спиной его взгляд — тяжелый, пронзительный.

У кувеза он останавливается. Смотрит на мальчика долго, очень долго. Молчит. Потом протягивает руки к окошку и говорит:

— Можно?

— Конечно, — отвечаю я. — Он очень сильный, боец.

Он открывает кувез, и я вижу, как его большие сильные руки берут это крошечное тельце. Как бережно он прижимает сына к груди. Как закрывает глаза.

А потом на его лице появляется улыбка.

Суровое лицо становится мягким, почти нежным.

— Сын, — шепчет он. — Сыночек...

Я стою и смотрю, и почему-то мне хочется плакать. Может, от усталости. Может, от моего диагноза. А может, просто оттого, что в этой палате происходит чудо.

— А где мать? — спрашиваю потом, когда мы выходим в коридор.

Он пожимает плечами. Спокойно так, будто речь о погоде.

— Юлия? Исчезла. Полгода назад. Сказала, что хочет свободы. Я и не знал, что она беременна.

— Она оставила только ваш номер, — говорю я. — И сбежала.

— Это на нее похоже, — усмехается он горько. — Юлия всегда выбирает легкие пути.

Дни летят как безумные. Мальчик идет на поправку — я же говорила, он сильный. Владимир приезжает каждый день. Сначала на час, потом на два, потом на полдня. Стоит у кувеза, разговаривает с сыном, гладит через окошко.

А я вожусь с ними обоими.

Показываю Владимиру, как пеленать. Он смотрит на меня как на инопланетянку, когда я впервые беру в руки памперс.

— Вот так, — говорю я. — Подворачиваем, застегиваем. Чтобы не протекало.

— Подворачиваем, — повторяет он и записывает в телефон. Серьезно, как отчет по бизнесу.

— А смесь? — спрашивает он. — Какую покупать? Как разводить? Сколько давать?

Я объясняю. Он записывает.

— А если ночью не спит? Если плачет? Если животик болит?

Я терпеливо отвечаю. Он записывает.

Смешной. Такой большой, такой серьезный — и записывает, сколько граммов смеси на одно кормление.

А однажды я захожу в палату и вижу: Владимир сидит в кресле, Родион — он назвал его Родионом — лежит у него на груди, и оба спят. Папа и сын.

У меня сердце останавливается.

Я пятый день не думаю о своем диагнозе. Пятый день не плачу по ночам. Пятый день просто живу.

Между нами что-то происходит. Я чувствую. Иногда он смотрит на меня так, что мне становится жарко. Иногда я ловлю себя на том, что жду его прихода. Иногда наши руки случайно касаются, и я замираю.

Глупая. Какая же я глупая.

Родиона выписывают. В день выписки я стою у окна в ординаторской и смотрю, как Владимир укладывает сына в автокресло. Осторожно, неумело, но с такой любовью...

А потом он поднимает голову, видит меня в окне и машет рукой. И я машу в ответ.

Думаю: все. Конец. Они уедут, и я останусь одна со своей пустотой.

Но вечером мой телефон звонит.

— Татьяна Сергеевна, — говорит Владимир, и в его стальном голосе сейчас нет стали. Есть что-то другое. Просящее. Почти беззащитное. — Я понимаю, что не имею права просить. Но я не справляюсь.

Я молчу.

— Родион плачет, я не понимаю почему. Может, голодный, может, животик болит. Я не знаю, как часто кормить, когда купать, что делать, если температура. Я бизнесом управлять умею, тысячными коллективами. А тут...

Я сжимаю трубку.

— Помогите нам, — говорит он. — Пожалуйста. Просто будьте рядом. Пока он не окрепнет. Я заплачу любые деньги.

— Дело не в деньгах, — шепчу я.

— А в чем?

Я смотрю в окно на ночной город. Вспоминаю родинку на щеке малыша. Его улыбку. Тяжелую руку Владимира, который вчера случайно коснулся моей.

Вспоминаю слова Ирки.

«Естественная беременность невозможна».

Внутри у меня что-то щелкает.

— Я приеду, — говорю я. — Завтра с утра.

Пауза. И потом:

— Спасибо, Таня. Я очень жду...Вас.

Он впервые назвал меня по имени. Раньше только по отчеству.

Я кладу трубку, прижимаю руки к груди и чувствую странное тепло.

Может, судьба дает мне шанс стать счастливой?

Глава 2

— Мам, смотри, это ты! — Родион протягивает мне рисунок. Каляки-маляки, в которых угадывается женская фигура в платье. — Красивая?

Пять лет.

Пять лет прошло с той ночи, когда я впервые взяла на руки чужого ребенка и назвала его своим.

Я смотрю на Родиона сейчас. Он сидит за кухонным столом, рисует что-то в альбоме, сопит от усердия. На правой щеке — родинка. Моя родинка. Я имею право так говорить, потому что я его мать. Не та, что родила и сбежала. А та, что не спала ночами, лечила температуру, учила ходить и говорить.

— Очень красивая, — я целую его в макушку. — Ты мой художник.

Пять лет назад я переступила порог дома Владимира Бестужева с одной сумкой и кучей страхов. Думала: побуду немного, помогу, а потом уйду. Не ушла.

Как можно уйти, когда этот маленький человечек тянет к тебе ручки и кричит «мама»? Как можно уйти, когда Владимир смотрит на тебя так, будто ты — единственное светлое пятно в его темном мире?

Через год он сделал мне предложение. Без цветов, без романтики, по-деловому.

— Таня, выходи за меня. Родиону нужна мать. А мне... — он запнулся тогда. — Мне нужна ты.

Я согласилась. Ушла из роддома. Ушла из медицины. Стала просто женой и мамой.

Владимир оказался человеком сложным. Строгим. Иногда жестким. Он требовал порядка во всем, не терпел возражений, мог отчитать за неправильно поданный ужин. Но я любила его. Любила за то, как он смотрит на Родиона. За то, как по ночам обнимает меня во сне. За то, что дал мне то, чего я уже никогда не надеялась получить — семью.

Деньги? Их было много. Очень много. Загородный дом, машина с водителем, отдых на лучших курортах, шубы, украшения. Владимир говорил: «Твое дело — быть красивой и счастливой. Остальное я возьму на себя».

Я была красивой. Я старалась быть счастливой.

Но последние месяцы...

Последние месяцы Владимира почти нет дома. Командировки, встречи, переговоры. Он приезжает поздно, уезжает рано. Иногда мне кажется, что я живу с призраком.

— Мам, а папа приедет сегодня? — Родион отрывается от рисунка.

— Не знаю, родной. Папа очень занят.

— Он всегда занят, — вздыхает ребенок, и у меня сжимается сердце.

Вечером я укладываю Родиона, читаю сказку, целую в лоб. Спускаюсь вниз и вижу свет в кабинете Владимира. Он дома? Не слышала, как вошел.

Подхожу к двери. Она приоткрыта. Я заглядываю и замираю.

Владимир сидит за столом в кресле. Перед ним — бутылка коньяка и дымящаяся сигара. Он курит? Он никогда не курил при мне. Лицо у него серое, осунувшееся, глаза пустые.

Я не видела его таким никогда. Никогда за пять лет.

— Володя? — я вхожу в кабинет. — Что случилось?

Он поднимает на меня глаза. Долго смотрит. Будто видит в первый раз.

— Таня, — говорит он глухо. — Нам нужно поговорить.

У меня холодеет внутри. Я сажусь напротив, сжимаю руки в замок, чтобы не дрожали.

— Я слушаю.

— У меня проблемы в компании. Серьезные проблемы. — Он делает глоток коньяка прямо из горла. — Важные люди хотят отжать бизнес. Очень жестокие. Опасные.

— Володя...

— Дослушай. — Он поднимает руку. — Я не хочу подвергать вас с Родионом опасности. Если эти люди поймут, что у меня есть семья... ты представляешь, что они могут сделать?

Я представляю. Я слишком хорошо представляю. В моей практике было всякое.

— Что ты предлагаешь? — спрашиваю я, хотя уже знаю ответ.

— Фиктивный развод. — Он смотрит мне прямо в глаза. — Мы разводимся на бумаге. Ты с Родионом уезжаешь, я решаю проблемы. Когда все утрясется — распишемся снова.

— Фиктивный... развод?

— Таня, это единственный способ вас защитить. Я не могу рисковать вами. Ты понимаешь?

Я понимаю. Я врач, я привыкла принимать сложные решения. Но это... это же наша семья. Наша жизнь.

— А если... если что-то пойдет не так?

— Не пойдет. — Он встает, подходит ко мне, берет за плечи. — Я все продумал. Юрист уже готовит документы. Ты просто подпишешь бумаги, и все. На время.

Я смотрю на него. На его усталое лицо, на седину в висках, которой не было пять лет назад. Он прав. Он хочет нас защитить.

— Хорошо, — говорю я тихо. — Если это нужно для Родиона... я согласна.

Он прижимает меня к себе. Целует в макушку.

— Спасибо, Таня. Ты у меня самая лучшая.

Я зарываюсь лицом в его грудь и чувствую, как пахнет от него коньяком и табаком. Чужой запах. Не его.

Но я гоню эти мысли прочь.

Через неделю мы сидим в кабинете юриста. Дорогой кабинет, кожаные кресла, тяжелые шторы. Родион бежит по ковру с машинкой, которую дал ему добрый дяденька в очках.

Владимир молчит. Он сегодня особенно суровый, особенно далекий. Я пытаюсь поймать его взгляд, но он смотрит в окно, на серое небо.

— Татьяна Сергеевна, подпишите здесь, здесь и здесь, — юрист протягивает мне документы.

Я беру ручку. Смотрю на Владимира.

— Володя?

— Подписывай, — говорит он не оборачиваясь. — Так надо. Все будет хорошо.

Я подписываю. Лист за листом. Фамилия Бестужева перестает быть моей.

— Готово, — говорю я тихо.

И тут Владимир поворачивается.

— Позовите ее, — говорит он юристу.

— Кого? — я не понимаю.

— Сейчас увидишь.

Дверь открывается. Входит женщина. Молодая, красивая, с волосами цвета спелой пшеницы. На ней дорогое платье, на губах — уверенная улыбка.

- Родя, мой родненький сынок, иди ко мне я так скучала! Мама теперь здесь! Навсегда!

Родион пятится назад и смотрит не меня испуганно.

Блондинка подходит к Владимиру и кладет руку ему на плечо. По-хозяйски. Будто имеет право.

Юрист протягивает ей документы. Она подписывает их, даже не глядя.

Я смотрю на нее и не могу пошевелиться.

— Таня, — голос Владимира режет, как нож. — Познакомься. Это Юля. Настоящая мать Родиона.

Я молчу. Я не могу дышать.

— Спасибо тебе за заботу, — продолжает он. — Ты была хорошей нянькой для моего сына. Но теперь ты больше не нужна. Я всегда любил только Юлю. А ты... ты просто вовремя попала под руку.

— Что? — это единственное слово, которое я могу выдавить из себя.

— Ты слышала. — Он смотрит на меня холодно, равнодушно. Как на чужую. — Подписи поставлены, брак расторгнут. Ты свободна. Хотя, может останешься в качестве прислуги? Что скажешь?

Глава 3

— Нет.

Я говорю это тихо, но твердо. Смотрю Владимиру прямо в глаза и не отвожу взгляд.

— Что значит нет? — он хмурится, будто не расслышал.

— Я не оставлю Родиона. Ты сошел с ума, если думаешь, что я уйду просто так.

В кабинете повисает тишина. Юля перестает улыбаться, смотрит на меня с недоумением. Владимир медленно встает из-за стола.

— Таня, не устраивай истерику. Все уже решено.

— Кем решено? Тобой? — голос мой дрожит, но я держусь. — Я пять лет была ему матерью! Пять лет! Я растила его, я ночами не спала, я выхаживала, когда болел! А она? — я тычу пальцем в Юлю. — Где она была все эти годы?

— Таня...

— Нет, это ты послушай! — я уже не контролирую себя. — Ты использовал меня! Ты взял меня, как няньку, как домработницу, как...временную жену! А теперь говоришь «спасибо за работу»?

Владимир делает шаг ко мне. Лицо у него каменное.

— Ты получишь деньги. Хорошие деньги. Я не жадный.

— Да плевала я на твои деньги! — кричу я. — Верни мне сына!

Родион подбегает ко мне, теревит за край платья. Глаза у него испуганные, щеки мокрые от слез.

— Мама! — кричит он и бросается ко мне. — Мама, не уходи!

Я приседаю, раскрываю руки, чтобы обнять его. Но в этот момент в кабинет входят двое мужчин в черном. Охрана. Один из них хватается Родиона поперек туловища.

— Пустите! — орет мальчик. — Пустите! Это моя мама! Мама-а-а!

— Не трогайте его! — я бросаюсь к ним, но второй охранник загораживает мне дорогу. — Отпустите ребенка!

— Уведите, — коротко бросает Владимир.

Охранник с Родионом на руках выходит. Мой мальчик тянет ко мне руки, бьет ногами, кричит так, что у меня сердце разрывается:

— Мама! Мама, не оставляй меня! Мамочка!

— Родя! — я пытаюсь вырваться, но железные руки держат крепко. — Роденька!

Дверь закрывается. Крик обрывается.

Я падаю на колени. Прямо на этот дорогой паркет. Воздуха нет. Сердце сейчас лопнет.

— Тварь, — шепчу я. — Тварь ты, Владимир.

Он смотрит на меня сверху вниз. Равнодушно. Как на пустое место.

— Заберите ее, — говорит он охраннику.

В этот момент в кабинет вносят два чемодана. Мои чемоданы. Те, с которыми я пришла в этот дом пять лет назад. Их ставят рядом со мной.

— Все подарки и украшения оставляю тебе, — говорит Владимир. — Спасибо за работу в качестве жены. Ты была... неплоха.

Неплоха.

Я была неплоха.

Пять лет жизни. Пять лет любви. Пять лет материнства.

— Неплоха? — я медленно поднимаюсь с колен. Смотрю на него и чувствую, как внутри закипает такая ярость, какой я никогда не знала. — Неплоха?

Я подхожу к нему. Он не двигается. Смотрит свысока.

И тогда я размахиваюсь и бью его по щеке.

Звонко. Сильно. Так, что ладонь обжигает.

Юля ахает. Владимир хватается за щеку, глаза у него наливаются кровью.

— Ты...

— Я не оставлю Родиона, — говорю я тихо, чеканя каждое слово. — Костью лягу, но верну его. Ты меня не знаешь, Бестужев. Ты думал, я удобная игрушка. А я мать. И за своего ребенка буду драться.

Юля вдруг смеется. Тонко, противно.

— Ой, не смейся, — говорит она, поправляя волосы. — Какой ребенок? Родиона я родила. Он мой по крови. А ты так... прислуга.

Я смотрю на нее. Красивая. Ухоженная. Сытая. И пустая внутри.

— Посмотрим, — говорю я. — Посмотрим, кто из нас мать.

Я разворачиваюсь, беру чемоданы и выхожу. Спина прямая. Зубы сжаты. Если я позволю себе сломаться сейчас — все пропало.

В лифте меня трясет так, что я прижимаюсь к стене. Выхожу на улицу, тащу чемоданы к остановке. Сажусь на скамейку и смотрю в одну точку.

В ушах стоит крик Родиона.

«Мама! Не оставляй меня!»

Я закрываю глаза и вою. Тихо, в себя. Чтобы никто не слышал.

Съемная квартира — маленькая клетушка с продавленным диваном и обоями в цветочек. Я сижу на этом диване третий день. Не ем. Не сплю. Просто сижу и смотрю в стену.

Если закрыть глаза — вижу Родиона. Его родинку на щеке. Его пальчики, которыми он дергал меня за рукав, когда хотел что-то сказать. Его голос: «Мама, почитай сказку». «Мама, я тебя люблю». «Мама, ты самая красивая».

Я открываю глаза — пустота.

Телефон молчит. Владимир даже не позвонил. Зачем? Он получил, что хотел.

На четвертый день я беру себя в руки. Умываюсь, крашу губы, надеваю единственный приличный костюм. Иду в суд.

Я требую вернуть мне сына.

Через две недели назначают первое заседание.

Здание суда огромное, холодное, казенное. Я сижу на скамье в коридоре и жду. Руки дрожат, я сжимаю их в кулаки.

— Татьяна Сергеевна? Приглашаем.

Захожу в зал. Вижу Владимира. Он сидит за столом в окружении адвокатов. Дорогих, холеных, с холодными глазами. Юли нет. Она слишком важная, чтобы присутствовать на таких мелочах.

Начинается заседание. Я говорю, что пять лет была матерью Родиону. Что я воспитывала его, лечила, любила. Что биологическая мать бросила его при рождении.

Адвокат Владимира встает. Улыбается. Начинает говорить.

— Уважаемый суд! Истица не имеет никаких законных прав на ребенка. Она не родственница, не опекун, не усыновитель. Она просто женщина, которая некоторое время жила с отцом ребенка. Биологическая мать жива, здорова и желает воспитывать сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.